

цепта «хитрость» связаны с выявлением и тщательным исследованием его репрезентаций в других текстах Б. Заходера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заходер Б.В. Избранное: стихи, сказки, переводы и пересказы / Сост. Л. Либет; Худож. С. Остров, М. Федоровская, Л. Шульгина. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 686 с.: ил. – (Всемирная детская библиотека).

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 8-171.

3. Лисиченко Л.А. Общая и индивидуальная языковая картина мира // Русская филология. Украинский вестник. – 1995. – № 2-3. – С. 3-6.

4. Народные сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х т. – Тт. 1-3. – М.: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1957.

5. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный): В 2 т. / Под. ред. Ефремо-

вой Т.Ф. – М.: Рус. яз. 2000. – Т. 2. – С. 935.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Изд-е 16-е, испр.-е. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.

7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. – 340 с.

8. Савицкая Л.В., Скоробогатова Е.А. Концепт “хитрость” в лексической системе русского языка. Концепт “хитрость” в фольклорных текстах. Монография. / Мин-во образования и науки Украины. ХНПУ имени Г.С. Сковороды. – Х., 2009. – 112 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед. – 4-е изд.-е., стереотип. – М.: Рус. яз: Фирма «Политграфресурсы», 1999. – Т. 1 - 4.

10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус.яз. – М.-Л.: Наука, 1965. – Т. 17.: Х- Я. – С. 145-156.

11. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. – Т. 2 / А.Н. Тихонов – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 856 с.

УДК 81'25

М.В. Адаменко

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (на материале творчества Д. Кеньйон)

Адаменко М.В.

РЕАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЇ МЕТАФОРИ В ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ В АСПЕКТІ ПЕРЕКЛАДУ (на матеріалі творчості Д. Кеньйон)

Стаття присвячена реалізації концептуальної метафори у поетичних творах в аспекті перекладу на матеріалі творчості сучасної американської поетеси Джейн Кеньйон. В статті висвітлено головні особливості когнітивної поетики, визначено поняття концептуальної метафори та встановлено типові метафори для сучасної американської поезії.

Ключові слова: когнітивна поетика, концептуальна метафора, сучасна американська поезія, переклад.

Адаменко М.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (на материале творчества Д. Кеньйон)

Статья посвящена реализации концептуальной метафоры в поэтических произведениях в аспекте перевода на материале творчества современной американской поэтессы Джейн Кеньйон. В статье очерчены особенности когнитивной поэтики, определено понятие концептуальной метафоры и установлены типичные метафоры для современной американской поэзии.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, концептуальная метафора, современная американская поэзия, перевод.

Adamenko M.

THE REALIZATION OF CONCEPTUAL METAPHOR IN THE MODERN POETICS IN THE ASPECT OF TRANSLATION (based on J. Kenyon's works)

This article deals with the realization of conceptual metaphor in the modern English poetics in the

aspect of translation based on J. Kenyon's works. The author overviews the essence of cognitive poetics and defines the notion of conceptual metaphor. The ascertainment of typical metaphors for modern American poetry is also studied in this article.

Key words: *cognitive poetics, conceptual metaphor, modern American poetry, translation.*

Стремление поэтов эпохи модернизма и постмодернизма создать поэтические образы, которые отображают новое видение и осмысление окружающего мира, привело к “организованной преступности в обращении с языком, к нарушению законов лексики и синтаксиса” [7, с. 5]. Методологический аппарат, который оказался пригодным для объяснения механизмов нарушения языковых норм, которые ведут к глубинным изменениям в семантике поэтического образа, был предложенный когнитивной поэтикой.

Когнитивная поэтика изучает художественную семантику, акцентируя внимание на лингвокогнитивных стратегиях формирования и обработки информации, которая представлена в художественных текстах, в частности поэтических [7, с. 13]. Исходными для когнитивной поэтики являются: положения о воплощенном понимании, которое лежит в основе аналогового картирования как механизма концептуальной метафоры и метонимии; теория концептуальной интеграции ментальных пространств, которая объясняет появление новых когнитивных структур, понятие прототипового и не прототипового прочтения текста, которое основывается на теории прототипов, концепция возможных миров и понятия иконичности поэтических форм [3].

Для дальнейшего исследования особенно значимыми становятся главные механизмы концептуальной метафоры.

В современной когнитивной поэтике утверждается, что “особое видение предмета, эффект его эстетичной и эмотивной значимости” создается путем модификации, а временами и деформации когнитивных процессов и операций, которые задействованы в регулярных процессах формирования поэтических образов [7, с. 4].

Поэтическое произведение вызывает удивление при условии наличия в нем парадоксальной мысли, выраженной метафорой, содержание которой не согласовывает с постоянным представлением об аналогии вещей [1, с. 977]. Такая метафора удивляет, задерживает внимание, заставляет думать [1, с. 978]. Другими словами, удлиняет, замедляет когнитивный процесс обработки информации.

Теория концептуальной метафоры [4, с. 149] связала метафору не только с языком, но и с человеческой мыслью [6, с. 204]. Концептуальная метафора – это образ-схема, конкретная или родительская схема (*image-schema, specific-level schema, generic-level schema*) [6, с. 252], которая в речи разворачивается в разные языковые или речевые метафоры.

В пределах когнитивного подхода метафора рассматривается как общий когнитивный механизм, который дает возможность изучать ненаблюдаемые явления, происходящие в сознании человека и связанные с отражением и осмыслением окружающей действительности. Изучение метафоры открывает доступ к концептуальным системам, которые возникают в сознании людей и отбивают реальный мир, системам, которые образуют концептуальные картины мира, в достаточной мере общей для носителей одной и той же культуры, для того, чтобы обеспечить необходимую меру взаимопонимания.

По мнению Дж. Лакоффа и Г. Джонсона, метафоры пронизывают всю нашу жизнь не только в языке, но и в мышлении, вербальном действии. Наша повседневная понятийная система, в пределах которой мы мыслим и действуем, метафорическая по сути [5, с. 3]. Метафоры упорядочивают повседневный опыт человека, они являются “метафорами, которыми мы живем” [5, с. 10]. Сущности, которые сравниваются в метафоре, не превращаются одна в другую, а остаются в реальности как отдельные вещи.

Другими словами, любую сферу нашей жизни можно представить как ряд рисунков, которые крепко сохранились в сознании каждого. То же самое происходит и в пределах художественного произведения, когда автор, создавая свое произведение, одновременно создает определенный, не похожий на какой другой, свой собственный мир. Выделяя для себя образные модели, на основе которых строится произведение, нам легче понять, что именно хотел сказать нам автор.

Современная наука ставит развитие интеллектуальных привычек, творчества и образного мышления в прямую зависимость от уровня метафорического мышления, которое становится центральным элементом поэтики. В ходе когнитивного процесса автор исследует участки своей долгосрочной памяти, выявляет два референта (иногда часто логически несовместимые), устанавливает между ними осмысленную взаимосвязь и, в конце концов, создает метафору. Итак, форма мысли получает свое отражение в речи: автор создает метафору, то есть языковой образ. “Психологи считают язык основным проявлением когнитивных процессов. Она больше, чем все другие виды человеческого поведения, отбивает мышление, восприятие, память, решение задач, интеллект и процесс познания” [2, с. 36]. Воспринимая тот же объект, наблюдая то же самое явление, разные люди получают нетождественную информацию, потому что

структуры сознания этих людей могут быть неодинаковыми.

Рассматривая когнитивные аспекты использования метафор, следует отметить, что метафора по обыкновению рассматривается как видение одного объекта через другой. В когнитивных процессах сложные непосредственно не наблюдаемые умственные пространства соотносятся через метафору с более простыми, хорошо знакомыми умственными пространствами (например, экономическое и политическое события сравниваются с играми, спортивными соревнованиями, производственные конфликты с войной и т.п., а любовь – с болезнью, путешествием, ядом, пожаром и т.п.).

Концептуальные метафоры формируются не в языке, а в мышлении человека благодаря ее способности мыслить метафорически, устанавливать аналогии между гетерогенными сущностями разной природы и переосмысливать их в сроках других сущностей [6, с. 202-251]. Поэтому, концептуальная метафора является определенным средством поиска и отображение особого типа знания, которое получается вследствие личного и коллективного опыта человека в процессе освоения ею окружающей действительности. Она отбивает когнитивную способность человека к концептуализации (осмыслению) и категоризации (классификации) знаний об объектах, явлениях и событиях реальности. В основе метафорического мышления – аналоговое осмысление человеком картины мира.

В результате концептуального анализа поэтических образов в поэзии современной американской поэтессы Д. Кеньйон, мы выявили ряд концептуальных метафор, характерных для англоязычной поэзии конца XX века.

Одной из главных концептуальных метафор в творчестве поэтессы Джейн Кеньйон является ПРИРОДА – источник жизни, начало всего и такой же конец всему. В ней поэтесса видит смысл существования, чрезвычайную силу, с которой она хочет быть всегда: *“How I hated to come in! I’ve left // the windows open to hear the peepers’ // wildly disproportionate cries. // Dinner is over, no one stirs. The dog // sighs, sneezes, and closes his eyes.”* (Jane Kenyon “Ice Out”) – *“Как же я ненавижу заходить в дом! // Я оставила окна открытыми, // Чтобы слушать неразборчивые, // Несоразмерные вопли ипшионов // Обед уже позади, все стихло... // Собака вздыхает, чихает, и глаза свои закрывает”* (перевод наш – М.А.) В этом примере мы видим, как сложно автору жить без свежести окружающего мира, она страдает, заходя в дом, закрывая двери. Оставив открытыми окна, она будто владеет частичкой той свободы, в которой нуждается. Образ собаки не случайный, ведь для ее мировосприятия СОБАКА – САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ, ЧЛЕН СЕМЬИ. В тягчайшие моменты жизни она рядом и ничто не заставит ее уйти; тогда поэтесса спо-

койна: ведь ее верный друг беззаботно отдыхает. Образ СОБАКИ присутствует и в других стихотворениях поэтессы: *“I got out of bed // on two strong legs. // It might have been // otherwise. I ate // cereal, sweet // milk, ripe, flawless // peach. It might // have been otherwise. // I took the dog uphill // to the birch wood. // All morning I did // the work I love.”* (Jane Kenyon “Otherwise”) – *“Я проснулась, // Стала на ноги. // Должно было бы быть // Все иначе. // Съела овсянку с молоком, // Персик дозрелый, но снова // Должно было бы быть // Все иначе. // Я повела собаку вверх // К березовому лесу. // Я все утро занималась // Тем, что люблю и // всегда буду любить”* (перевод наш – М.А.) Автор не представляет своего существования без любимых занятий, без ежедневных дел, которые стали частью ее жизни – без прогулок со своей собакой. В произведении “Happiness” поэтесса отмечает все пустяки, которые представляют собой счастье: *“It comes to the lover, to the dog chewing // a sock, to the pusher, to the basket maker...”* (Jane Kenyon “Happiness”) – *“Оно приходит к любовнику, // К собаке, к торговцу...”* (перевод наш – М.А.), включая и то, что для обычной собаки счастье представляет собой даже обычное жевание носка.

Концептуальную метафору ПРИРОДА автор разделяет на разные природные явления, цветы, деревья, которые становятся поэтическими образами в поэтических произведениях, например такие: РАСТЕНИЯ – СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ, возможно, они заменяют тех, кого не хватает поэтессе в сложный период: *“All afternoon I lifted oak leaves // from the flowerbeds, and greeted // like friends the green-white crowns // of perennials. They have the tender, // unnerving beauty of a baby’s head.”* (Jane Kenyon “Ice Out”) – *“Весь день я собирала листья дуба. // Из клумб, и приветствовала их, как старых друзей, // С коронами вечнозеленых растений. // В них нежная расслабляющая красота, // Будто у грудного ребенка”* (перевод наш – М.А.);

СУМЕРКИ – ТЬМА, НОЧЬ, СМЕРТЬ, которая не пугает и не сводит с ума, все это – является частью бытия и, когда что-то погружается в тень, то другое – выходит на свет. Также как и жизнь – где-то она заканчивается, а в то же время начинается другая: *“White peonies blooming along the porch // send out light // while the rest of the yard grows dim.”* (Jane Kenyon “Peonies at Dusk”) – *“Белые пионы, которые цветут вдоль // Крыльца, излучают свет повсюду, // Пока двор погружается в тень”* (перевод наш – М.А.); но СМЕРТЬ для поэтессы это также ПОКОЙ, где нет страха, отчаяния, ненужных действий, которые занимают все время, мешая жить по – настоящему: *“I divested myself of despair // and fear when I came here. // Now there is no more catching // one’s own eye in the mirror, // there are no bad books, no plastic, // no insurance premiums, and of course no illness.”* (Jane Kenyon

“Notes from the Other Side”) – “Я снимаю с себя отчаяние // И страх, потому что зачем они мне / / Снова приходя сюда. // Нет больше отражения / / В зеркале моем, все исчезает, // Нет скверных книг, пластмассы, // Страхования и болезни тоже нет” (перевод наш – М.А.);

ЦВЕТЫ – это ОНА САМА, это ЛЮДИ вокруг, такие же незащищенные, как и цветы в поле, такие же гибкие, легко подвергаются влиянию со стороны, будь то ветер или другие люди: “Now wind torments the field, // turning the white surface back // on itself back and back on itself // like an animal licking a wound. // Nothing but white—the air, the light; // only one brown milkweed pod // bobbing in the gully, smallest // brown boat on the immense tide.” (Jane Kenyon “February: Thinking of Flowers”) –

“Ветер заново мучает поле, // Поднимая в вихре своем белую землю, // Снова, и снова, и снова тихонько, // Словно животное, зализывая рану невыносимую. // Все белоснежное – воздух и свет; // Лишь только стручок молочая, // В глубоком яру колышет воздух, // Будто крошечная лодочка качает” (перевод наш – М.А.); такие же нежные и кроткие с красотой, которая захватывает дыхание в самые счастливые моменты в жизни: “I am the blossom pressed in a book, // Found again after two hundred years...” – “Я – будто цвет, зажатый в книге, // Найденный через два столетия только...”;

“I am the musk rose opening // Unattended, the fern on the boggy summit... // I am the one whose love // Overcomes you, already with you // When you think to call my name...” (Jane Kenyon “Briefly It Enters, and Briefly Speaks”) – “Я – недосмотренный цветок, который почти расцвел, // Или папоротник на болотистой вершине... // Я – та любовь, что // Охватит Тебя, что уже с Тобой, // Когда называешь меня по имени.” (перевод наш – М.А.); последний пример свидетельствует о том, что поэтесса все отдает за любовь, она полностью слилась с ней, растворилась в ней. ЛЮБОВЬ всегда была для автора спасением, тем, что помогало держаться при жизни, просыпаться по утрам, конечно, понимая, что скоро настанет конец. Она также является концептуальной метафорой в творчестве Д. Кеньйон.

Концептуальная метафора СЧАСТЬЕ также играет важную роль в произведениях поэтессы, в выражении ее мировосприятия. Для обычного человека, СЧАСТЬЕ не является чем-то повседневным, но оно присутствует в ежедневных вещах, там, где мелочи бытия являются важными: “There’s just no accounting for happiness, // or the way it turns up like a prodigal // who comes back to the dust at your feet // having squandered a fortune far away. // And how can you not forgive? // You make a feast in honor of what // was lost, and take from its place the finest // garment, which you saved for an occasion // you could not imagine, and you weep night and day // to know that you were not abandoned, // that

happiness saved its most extreme form // for you alone.” (Jane Kenyon “Happiness”) – “Счастье измерить невозможно, // Или тот миг, как появляется оно, // Будто беспризорный, вернувшись и упав тебе в ноги, возможно // Потеряв жизнь свою уже давно. // И как ты можешь не извинить? // Ты устраиваешь праздник, уважая утраченное, // Ты одеваешь лучшую одежду, // Зачем ее хранила? Не знаешь ты, // И плачешь днем и ночью // Лишь бы знать – тебя не бросили, // Лишь бы счастье ждало безмерное, как небо, // Ждало все время только лишь тебя.” (перевод наш – М.А.); СЧАСТЬЕ – БЕЗМЕРНОЕ, НЕОЖИДАННОЕ и оно рано или поздно приходит к людям, животным, даже к вещам, ведь по замыслу поэтессы все заслуживают ощущения полного СЧАСТЬЯ.

Вот как автор говорит о счастье: “It even comes to the boulder // in the perpetual shade of pine barrens, // to rain falling on the open sea, // to the wineglass, weary of holding wine.” (Jane Kenyon “Happiness”) – “Оно приходит даже к камням // В вечной тени сосновых пустынь, // К дождю, который падает в открытое море свободно, // К бокалу, который устал держать вино” (перевод наш – М.Г.);

Но говоря о счастье, Д. Кеньйон не забывает обращаться к БОГУ, таким образом, подчеркивая его принадлежности к событиям во Вселенной. Автор надеется, что Он спасет человечество от них самих, ведь самый большой вред человеку приносит другой человек; что Он не покинет в тяжелую минуту: “Let it come, as it will, and don’t // be afraid. God does not leave us // comfortless, so let evening come.” (Jane Kenyon “Let Evening Come”) – “Пусть он придет, ведь будет // Именно так, не бойся сил. // Бог не оставит столько люда, // И будет вечер без усилий.” (перевод наш – М.Г.); Поэтесса старается успокоить и себя саму, из-за того, что ее жизнь на грани, и только знание того, что Он примет ее душу, уменьшает боль в сердце, она верит, что иной мир станет для нее покоем: “Contrition // does not exist, nor gnashing // of teeth. No one howls as the first // clod of earth hits the casket. // The poor we no longer have with us. // Our calm hearts strike only the hour, // and God, as promised, proves // to be mercy clothed in light.” (Jane Kenyon “Notes from the Other Side”) – “Ни раскаяние, ни скрежет зубами // И никакого рева сред ворота, // / Когда глыба земли // Впервые достигнет гроба. // / Бедности нет среди нас. // И сердца спокойно бьются только раз, // А Бог, как и обещал, милосердный, // В свет одетый, стал.” (перевод наш – М.Г.);

Тяжелая болезнь изменила мир Д. Кеньйон, заставила ее смотреть на вещи не стандартно. Депрессия, боль, отчаяние, борьба, счастье, вера, покой, тишина, природа – все это давало поэтессе вдохновение писать. Писать о своих мыслях, пи-

сать о том, что важно для нее, писать, наверное, непонятно для всех, но чувственно, тонко. Она вся в своей поэзии – она останется там навсегда!

Итак, выявив главные концептуальные метафоры поэзии Д. Кенйон, мы можем сказать, что сила поэтических образов состоит в несознательном использовании: все, на чем мы основываемся постоянно, неосознанно и автоматически, настолько сжилось с нами, стало частью нас самих, что мы не можем этому противостоять, часто просто потому, что это происходит незаметно. Они не исчезают, но остаются в человеческом сознании. Логические следствия их действия проявляются в особенностях нашего понимания мира. Поэтому для того, чтобы точно передать сущность концептуальных метафор, переводчику необходимо перенести образы, созданные поэтессой, в образы понятные нашему читателю. Иногда, используя метафоричность, переводческие трансформации, а иногда просто передавая ту глубину, те чувства и эмоциональную окраску, которые имела в виду автор, при переводе стихов. Переводчик должен ощутить каждую нотку, каждое дрожание сердца, каждое дрожание пера поэтессы, когда она создавала то или иное произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – М.: Литература, 1998. – 1392 с.

2. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская полит. метафора (материалы к словарю). М.: “Искусство”, 1991. – С. 35 – 70.

3. Белехова Л.И. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: дис. д-ра філол. наук / Л.И.Белехова. – К.: Вид, центр КНЛУ, 2002. – 476 с.

4. Gibbs R.W., Jr. Metaphor and culture / R.W.Gibbs, Jr. // Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference.—Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997.— P. 147 – 160.

5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G.Lakoff, M.Johnson. — Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1980. — 354 p.

6. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – P. 202–251.

7. Tsur R. Toward a theory of cognitive poetics. – Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ., 1992. – 549 p.

ИСТОЧНИКИ

1. Kenyon, J. Let evening come. – N.Y.: Graywolf Press, 1990. – 60 p.

2. Kenyon, J. Constance. – N.Y.: Graywolf Press, Graywolf, 1993. – 72 p.

3. Kenyon, J. Otherwise: New & Selected Poems. – N.Y.: Graywolf Press, 1996. – 65 p.

УДК 811.161.1-81'36

Е.В. Бувалец

СЛОЖНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ-ТЕРМИНЫ КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ДЕНОТАТА

Бувалець О.В.

СКЛАДНІ НАЗВИ-ТЕРМІНИ ЯК ПОЗНАЧЕННЯ КОМПЛЕКСНОГО ДЕНОТАТА

У статті розглядається денотативне співвідношення у складних назвах-термінах, виявляється їх відмінність від сурядних конструкцій із ідентичним набором лексем. Описується ступінь фразеологічності даних одиниць, кількісний склад компонентів сполуки, а також можливість трансформації складних термінів у сполучення асоціативного характеру.

Ключові слова: складні назви-терміни, сурядні конструкції, подвійні субстантивні конструкції з прикладкою, денотат, трансформаційний аналіз, трансформаційний біном.

Бувалец Е.В.

СЛОЖНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ-ТЕРМИНЫ КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ДЕНОТАТА

В статье рассматривается денотативное соотношение в сложных наименованиях-терминах, выявляется их отличие от сочинительных конструкций с идентичным набором лексем. Описывается степень фразеологичности данных единиц, количественный состав компонентов сочетания, а также возможность трансформации сложных терминов в сочетание ассоциативного характера.

Ключевые слова: сложные наименования-термины, сочинительные конструкции, двойные субстантивные конструкции с приложением, денотат, трансформационный анализ, трансфор-